

А. Ю. Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЗАМЕТКИ О ВИЗАНТИЙСКОМ ПРОТОТИПЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СОФИЙСКИХ СОБОРОВ

В настоящее время общепризнано, что три Софийских собора Древней Руси – Киевский, Новгородский и Полоцкий – представляют собой модификации одного редкого архитектурного типа, причем в начале этого ряда стоит именно Св. София Киевская (ил. 1). Однако своеобразие этих храмов не получает исчерпывающего объяснения в рамках не архитектурно-типологических методов: символического, иконографического, национально-славянского и т. п.

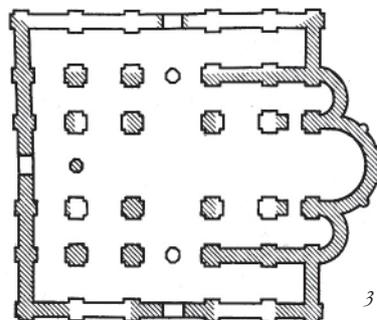
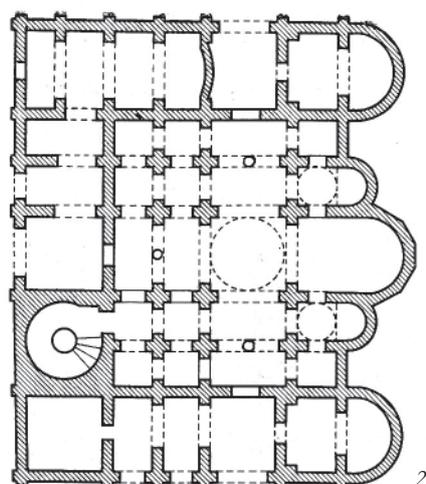
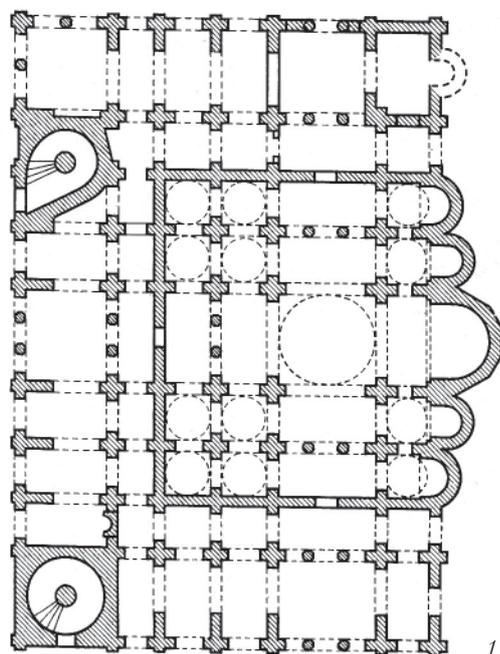
В рамках же архитектурно-типологического метода древнерусские Софийские соборы также представляют собой существенную проблему: с точки зрения строительной техники, отдельных архитектурных элементов и пространственных решений¹ они отлично вписываются в контекст византийской архитектуры XI в., однако отличаются по планам, не находящим прямых аналогий во всей византийской архитектуре.

Отличие в планах от других памятников византийского зодчества является не столь маловажным моментом, как это часто пытаются представить. «Правило Муцопулоса»² показывает, что пропорции многих, если не большинства, средневизантийских храмов определяются их планом и высотой опор (в столичной архитектуре это были мраморные колонны), и тем самым объясняет удивлявшее исследователей отсутствие чертежей у архитекторов этой эпохи. Так же обстоит дело и в случае Св. Софии Киевской: основные принципы ее пространственной композиции заданы именно планом и наличием хор.

Главная особенность планов древнерусских Софийских соборов заключается в наличии у них крестообразного подкупольного пространства, окруженного обходом в пределах наоса, в результате чего в пространстве наоса образуется пять продольных компартиментов, которые часто называют нефами. Проблема происхождения «пятинефности» древнерусских Софийских соборов, сформулированная еще Н. И. Бруновым³, до сих пор не нашла даже приблизительного разрешения, как хорошо видно, в частности, из итоговой работы А. И. Комеча⁴. Как кажется, к некоему ответу можно приблизиться на двух путях: теоретическом и архитектурно-историческом.

С точки зрения теории важно отметить, что, с одной стороны, проблема многонефности восходит к ранневизантийскому периоду, где рядовым трехнефным базиликам противопоставляется функционально обусловленная пятинефность больших, прежде всего, паломнических базилик (например, Св. Петра в Риме, Воскресения в Иерусалиме,

0 5 м

Ил. 1. Планы Софийских соборов:

1 – в Киеве, 2 – в Новгороде, 3 – в Полоцке

(по: Колеч А. П. Древнерусская архитектура конца X – начала XII в. М., 1987. С. 171)

Св. Димитрия в Фессалонике)⁵. С другой стороны, под «нефом» неверно понимать продольный компартимент, *обязательно* завершающийся апсидой: ранневизантийские базилики демонстрируют, что боковые нефы могут заканчиваться также глухой стеной, окном, дверью или пастофорием.

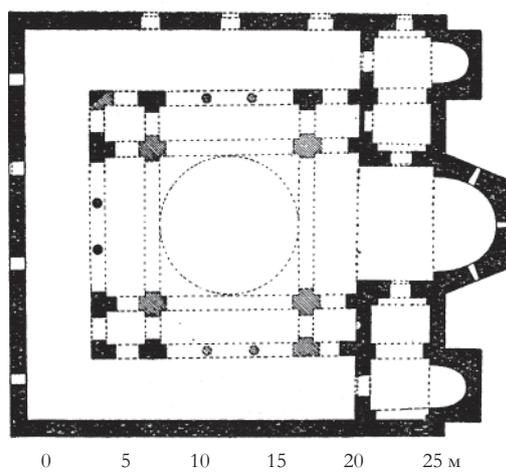
Таким образом, «пятинефность» древнерусских Софийских соборов, с одной стороны, обусловлена функциональной необходимостью создания большего храмового

пространства при использовании обычных конструктивных приемов его перекрытия, а с другой, может видоизменяться в зависимости от размеров конкретного храма: если в Киеве все «нефы» Св. Софии завершаются апсидами, то в Новгороде и Полоцке – только три центральных. Еще большее упрощение мы видим на примере памятника, который рассматривается иногда в качестве неточной параллели древнерусских Софийских соборов, – Моквского собора в Абхазии (960-е), где боковые «нефы» представляют собой ряд изолированных друг от друга компартиментов⁶ (точно так же устроена и еще одна, более ранняя параллель – Нижняя церковь «при крепостной стене» в болгарском Преславе (870-е) в реконструкции С. Бояджиева)⁷. Другой приводящийся в качестве отдаленной аналогии пример – Успенский собор во Владимире – показывает, что при необходимости (в данном случае укрепления и расширения здания) обычный «трехнефный» крестово-купольный храм мог превращаться при перестройке (1189) в «пятинефный»⁸. Именно как результат «умножения ячеек» (см., например, у Р. Оустерхаута⁹) следует понимать идею плана древнерусских Софийских соборов. Но ячейки какого типа храма умножают древнерусские Св. Софии?

С точки зрения архитектурно-исторической следует также выделить два аспекта. С одной стороны, рассмотрение обходов в некоторых византийских и древнерусских храмах (например, Св. Михаила в Переяславле) в качестве «нефов»¹⁰ в настоящее время не может быть признано состоятельным. Такие боковые помещения были, как выявила Л. Тайс¹¹, неотъемлемой частью средневизантийской архитектуры Константинополя, но не являлись частью наоса, как в древнерусских Софийских соборах. То же самое относится и к парам колонн в торцах рукавов креста, хотя нельзя, конечно, не отметить родства этого элемента с парами граненых столпов Св. Софии Киевской, имеющих, впрочем, иное происхождение (см. ниже).

С другой стороны, для понимания феномена столь необычного плана важно вписать его в контекст византийской архитектуры XI в. В качестве возможных источников, помимо недоказуемой гипотезы о создании *ex nihilo*¹², следует рассмотреть следующие варианты: копирование или переработка ранневизантийского образца, связь с типами «купольной базилики», «классического крестово-купольного храма на колонках или столпах», «октагона на трюмах», «крестово-купольного храма с трехсторонним обходом».

Ранневизантийским образцом для первого из древнерусских Софийских соборов – Св. Софии Киевской – могла послужить лишь одна из разновидностей купольного храма: наиболее близким примером является, как указывал еще Н. И. Брунов¹³, церковь в Маяфаркине в Юго-Восточной Турции (591 (?); ил. 2), представляющая собой, на самом деле, максимально центрированный вариант «купольной базилики с выраженными в плане рукавами креста». Против прямого

Ил. 2. Храм в Маяфаркине. План (по: *Brunov N. Die fünfschiffige... S. 69*)

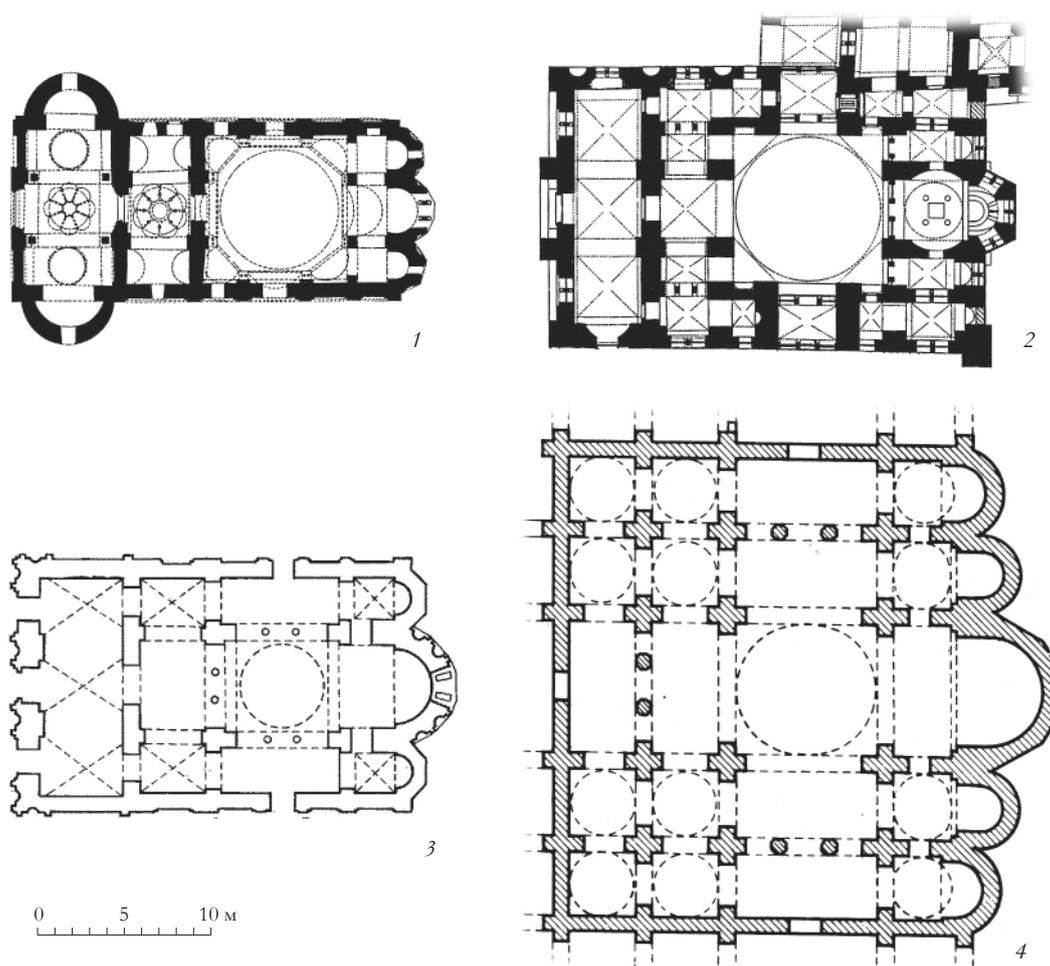
копирования, однако, говорит отсутствие в Св. Софии Киевской архитектурных приемов, типичных только для ранневизантийского времени, равно как и то, что ячейки между руками креста в Маяфаркине являются не самостоятельными компартаментами, как в Св. Софии Киевской, а типичными для VI в. проходами, расчленяющими массу мощной опоры.

Но здесь мы сталкиваемся и с более широкой проблемой соотношения планов древнерусских Софийских соборов и «купольной базилики» в разных ее вариантах. Очевидно, что с «купольной базиликой без выраженных в плане рукавов креста» (типа Св. Николая в Мирах Ликийских) планы древнерусских Св. Софий связаны меньше. Однако, как известно, именно этот вариант «купольной базилики» получил продолжение в средневизантийское время (соборы Дер-Азы (Маставры) в Ликии, Спаса в Чернигове). Данное обстоятельство ослабляет возможность зависимости плана Св. Софии Киевской от типа «купольной базилики» вообще, поскольку воспроизведений другого ее варианта, «с выраженными в плане рукавами креста» (типа Св. Софии в Фессалонике, Успения в Никее), в X–XI вв. не существует.

С типом «классического крестово-купольного храма на колонках» планы древнерусских Софийских соборов также не могут быть связаны: слишком велика здесь разница и в способе опирания перекрытий, и в артикуляции пространства. Ближе стоит вариант того же типа, но «на столпах», характерный для той византийской провинции, где колонн не было. Однако и из «умножения ячеек» такого типа план Св. Софии Киевской не вывести: для последнего характерны имитирующие колонны парные восьмигранные столпы в торцах рукавов креста, которые отсутствуют в провинциальном типе «крестово-купольного храма на столпах». Именно их наличие делает Св. Софию Киевскую не столь провинциальной, как это может показаться из-за множества ее крестообразных столпов.

В представителях развитого варианта типа «октагона на трюпах» середины XI в. (например, кафоликон монастыря Оснос Лукас в Фокиде (ил. 3, 2), Сотир Ликодиму в Афинах) некоторые исследователи видят параллель «пятинефности» древнерусских Св. Софий¹⁴. Однако речь здесь не может идти ни о каком копировании, ведь тип «октагона на трюпах» противостоит русским соборам в самой своей основе – принципе опирания купола¹⁵. Впрочем, данный тип подсказывает нам аналогично, но другого рода: его развитые варианты, возникшие в XI в., отличаются от простых (типа кафоликона Неа Мони на Хиосе; ил. 3, 1), известных еще с ранневизантийского времени¹⁶, добавлением рукавов креста и трехстороннего обхода в пределах наоса, т. е. тем же феноменом, который наблюдается и в древнерусских Св. Софиях и который, очевидно, был характерен для византийской архитектуры именно середины XI в.

Если происхождение рукавов креста и обхода в пределах наоса в древнерусских Софийских соборах объясняется именно таким образом, тогда легко вычлениется основа для такого «умножения ячеек» – это средневизантийские крестово-купольные храмы с отделенным подкупольным квадратом и окружающим его трехсторонним обходом, которые сообщаются между собой посредством проходов с парами колонн. Добавив к двухъярусной конструкции таких храмов (типа Гюль Джами или Паммакарistos в Константинополе; ил. 3, 3) рукава креста, в торцы которых передвигаются пары колонн, и увеличив, соответственно, трехсторонний обход, остающийся, однако, в пределах наоса, мы получим конструкцию Св. Софии Киевской (ил. 3, 4).

Ил. 3. Планы храмов:

1 – кафоликона Неа Мони на Хиосе; 2 – кафоликона монастыря Оснос Лукас в Фокиде; 3 – Паммакарistos (Фетие Джаме) в Константинополе; 4 – Св. Софии в Киеве (центральное ядро без галерей)
 (1, 2 – по: *Ousterhout R. Masterbuilders of Byzantium. Princeton, 1999. Fig. 65, 14*; 3, 4 – по: *Камеч А. И. Древнерусская архитектура конца X – начала XII в. М., 1987. С. 126, 171*)

Такое объяснение кажется наиболее логичным как с точки зрения архитектурной типологии, так и в контексте византийской архитектуры середины XI в., оно снимает одновременно проблему соотношения Св. Софии с современными ей памятниками. Св. София оказывается связана с обоими «модными», «императорскими», типами середины столетия: «крестово-купольным храмом с трехсторонним обходом» (Св. Георгий в Манганах) и «октагоном на трюпах» (кафоликон Оснос Лукас; ил. 3, 2). Кроме того, «крестово-купольный храм с трехсторонним обходом», отправную точку конструкции Св. Софии Киевской, в конечном счете можно считать наиболее упрощенной модификацией «купольной базилики», центрированный вариант которой, как мы видели выше, ближе всего по плану древнерусским Св. Софиям: первые храмы «с трехсторонним обходом» (Даг Пазары, третья четверть V в.) появляются тогда же и там же, где и первые

купольные базилики (Мариамлык и Алахан-монастир, конец V в.). Вспомним, что и во всех этих храмах, включая Маяфаркин, имеются столь характерные для Св. Софии Киевской пары колонн/столбов. Таким образом, возникновение уникальной структуры древнерусских Софийских соборов происходит как и из опыта зодчих середины XI в. в расширении давно известных храмовых конструкций, так и из естественного развития тех возможностей, которые были заложены в самом их образце – «крестово-купольном храме с трехсторонним обходом». При этом работавшие на Руси архитекторы могли опираться на опыт предшествующих, более «скромных» расширений такого типа, известных в Преславе и Мокви, но, вполне вероятно, имевших константинопольское происхождение.

Возвращаясь к неархитектурным подходам в разгадке феномена Св. Софии Киевской и других древнерусских Софийских соборов, следует вспомнить о популярной гипотезе переноса «идеи Св. Софии» из Константинополя на Русь¹⁷. Очевидно, что она не может быть напрямую применена к архитектуре, ведь в Св. Софии Киевской нет никаких попыток передать основные достижения строителей ее константинопольского прообраза: ни сложной системы перекрытий, ни доминирования округлых линий, ни тем более остроумного сокрытия несущих столбов. Однако, в чем две Св. Софии сходны, так это в своем особом масштабе и статусе среди окружающих их церквей. Действительно, в некоторых случаях «перенесения Св. Софии» на чужую почву там возникало здание, не похожее на оригинал, но весьма оригинальное на местном фоне. Например, храм Св. Софии в Беневенте (вторая половина VIII в.) был построен лангобардским герцогом Арехизом, чуть ли не в соперничестве с Юстинианом, как гласит его собственная строительная надпись¹⁸. В таком контексте возникновение необычной формы Софийского храма в Киеве не должно нас удивлять.

¹ Это не означает всякое отсутствие оригинальности в данных элементах. Напротив, некоторые из них весьма оригинальны и даже гениальны, как, например, решение угловых ячеек хор. Однако и этот пример показывает, что оригинальность в данном случае была вызвана к жизни именно необычным планом здания.

² 1) Линии, проведенные от низа боковых стен к щельге купола, проходят через основание барабана (определяя таким образом высоту третьего, верхнего, карниза); 2) первый, нижний, ярус карнизов находится на высоте пересечения линий, идущих от верха боковой стены к низу противоположной (т. е. на половине высоты здания без купола); 3) верхний ярус карнизов находится на высоте пересечения первой и второй пары линий, на половине высоты всего здания до щельги купола (см.: *Mutsopoulos N. Harmonische Bauschnitte in der Kirchen vom Typ kreuzförmigen Innenbaus im griechischen*

Kernland // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 55. 1962. S. 274–291; Оустерхаут Р. Византийские строители. Киев; М., 2005. С. 94–95).

³ *Brunov N. Die fünfschiffige Kreuzkuppelkirche in der byzantinischen Baukunst // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 27. 1927. S. 63–98; Idem. L'église a croix inscrite a cinq nefes dans l'architecture byzantine // Echos d'Orient. Vol. 26. 1927. P. 3–32.*

⁴ *Камеч А. И. Пятинефные церкви в византийской и древнерусской архитектуре // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М., 2005. С. 7–12. Там же см. и библиографию.*

⁵ Примеры см.: *Wessel K., Restle M. Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. 1. Stuttgart, 1963. Sp. 524.*

⁶ Недавняя попытка доказать первоначальное отсутствие перегородок у боковых «нефов» Моквского собора опровергается тем фактом,

что большинство этих «перегородок» завершается аркой из камня над плоской нишей, в то время как изначально предполагавшиеся открытыми арки выложены из плинфы (совместное наблюдение с Д. В. Белецким; см.: *Бгажба О. Х., Сакания С. М.* Результаты археологических раскопок в Моквском храме 2006 г. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008. С. 35–40. Разгородку боковых «нефов» в Мокви можно сопоставить с аналогичным явлением в боковых неффах так называемых трехцерковных базилик в грузинской архитектуре.

⁷ *Boiadzjev S.* L'église cruciforme à cinq nefes à Preslav // *Byzantinobulgarica*. Vol. 4. 1973. P. 54–73.

⁸ *Раннопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 51–52. № 74.

⁹ *Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 125–126.

¹⁰ *Камеч А. И.* Указ. соч. С. 11–12.

¹¹ *Theis L.* Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau. Wiesbaden, 2005.

¹² Напомним, что среди множества известных нам древнерусских храмов XI в. нет ни одного, форма которого была бы полностью оригинальным местным изобретением.

¹³ *Brunov N.* Die fünfschiffige... S. 69.

¹⁴ Об этом вопросе см.: *Камеч А. И.* Указ. соч. С. 10–11.

¹⁵ На что «октагон на тропях» мог повлиять прямо, так это на классические рапские храмы Сербии, восходящие, как общепризнано, к церкви Св. Николая в Куршумани. Обычно

эти церкви относят к типу, восходящему к синтезу «купольного зала» и храма типа «компактно вписанного креста». Однако это не объясняет появление в чисто византийском храме Св. Николая (и в последующих постройках) такого антитектонического элемента, как три апсиды в пределах одного подкупольного квадрата. Между тем его появление хорошо объясняется влиянием «октагона на тропях», где такое явление закономерно вызвано необходимостью наличия двух опор на восточной стене.

¹⁶ Ср., например, церковь несториан в Амиде, баптистерий Сан-Джованни-ин-фонте в Неаполе и церковь (первоначально также баптистерий) Мар Якуб в Нисибине (см.: *De'Maffei F.* Il problema della cupola su vano quadrato e la Santa Sofia di Costantinopoli // *La Persia e Bizanzio*. Roma, 2004. (Atti dei Convegni Lincei, 201). P. 679-736).

¹⁷ См.: *Акеитьев К. К.* Мозаики Киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Иларiona в византийском литургическом контексте // *Византинороссика*. [Т.] 1. СПб., 1995. С. 75–94. Критику см. в: *Виноградов А. Ю.* Еще раз к вопросу о надписи над конхой Св. Софии Киевской // *Лазаревские чтения*. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2010 г. М., 2012 (в печати).

¹⁸ *Hic dux Arechis pario de marmore templum construxit, / speciem cui tunc sine mole ferebat, / Iustiniane, tuus labor omni pulcrior arce* «Герцог Арехиз воздвиг здесь храм из паросского камня, / Коего образ твоя прежде бесценно являла, / Юстиниан, по красе не знавшая равных постройка» (перевод О. С. Воскобойникова).